

Елена Кочешкова

Шут

КНИГА I: ПАТРИК

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2)
К75

Кочешкова, Е.

К75 Шут. Книга I: Патрик / Е. Кочешкова. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – 450 с. – (Шут).

ISBN 978-5-521-91390-9

Он умеет жонглировать, делать сальто и смеяться над собой. Умеет хранить верность тому, кого любит. И еще – видеть невидимое.

Он – шут при дворе короля, дерзкий, загадочный и одинокий.

Когда ужасное проклятье настигнет монарха, именно шут, безобидный чудака с бубенцами, окажется тем человеком, который попытается спасти своего лучшего друга от безумия, а королеву – от предательства.

BIC FM
BISAC FIC000000

© Елена Кочешкова, текст, 2020

© Юлия Биленко, обложка, 2020

© Т8 RUGRAM, 2021

ISBN 978-5-521-91390-9

© Т8 Издательские технологии, 2021

*С благодарностью посвящаю эту
историю моим самым любимым, без
которых ничего бы не было.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОНЕЦ ЛЕТА

1

«Худо мне... — подумал Шут, пытаясь поднять тяжелую голову, — ох, худо...»

На том месте, где только что лежала его щека, примятая подушка оказалась такой горячей, что впору бежать за лекарем, благо их при дворе хватало. Но бегать-то Шут как раз и не мог: он уже третий день почти не вставал с постели. Вокруг потемневшей от старости дубовой кровати, укрытой под складками балдахина, повсюду валялись сопливые тряпки да корки от апельсинов, которыми Шут пытался отогнать простуду.

В сумеречном утреннем свете, едва проникающем через полузадернутые портьеры, его лицо больше походило на маску для карнавала чудищ, который так любит городская ребятня. Эта пугающая маска отражалась в большом зеркале напротив, когда Шут пытался привстать и ослабевшими руками хватался за бутыль с вином. В последний раз у него не хватило сил поставить ее на столик у изголовья, и, кое-как закрытая, она закатилась под кровать.

Под одеялом было жарко, а без него — холодно: спасаясь от озноба, Шут натянул липкую, уже насквозь мокрую простыню. Небрежно накрывшая его грудь, она то поднималась, то опадала в такт неровному дыханию. Случись какой-нибудь из фрейлин оказаться в этой комнате, она наверняка бы трагично заявила, что глядеть на господина Патрика без слез не-

возможно. Однако в его покои девицы никогда не ходили, потому и плакать над ним было некому.

Впрочем, Шут, которому едва сравнялось два десятка лет, помирать вовсе не собирался. Вот только простыни с каждым часом становились все горячее, и все трудней было поднимать налитые жаром веки, не говоря уже о том, чтобы попытаться встать. А сигнальная веревочка для слуг оборвалась еще вчера, когда он попробовал ее дернуть.

Услышав робкий стук, Шут, словно со дна омута, медленно выплыл в реальность.

— Войдите... — Он не был уверен, что этот хрип можно расслышать, однако крепкая дубовая дверь медленно со скрипом отворилась.

«Служанка, наверное», — подумал Шут, но повел себя так, точно к нему в гости пожаловал долгожданный друг. Сделав вид, будто злой недуг — лишь часть какой-то новой роли, он отнял тяжелую голову от подушки и нашел в себе силы улыбнуться. И даже приветливо помахал вялой ладошкой девчонке, которая действительно оказалась служанкой — худенькой, невзрачной и испуганной.

Напрасные усилия.

Девушка, одетая, как и все горничные, в скромное серое платье с белым передником, смотрела на него загнанной мышью и, похоже, готова была выскочить обратно за дверь в любой миг. Едва взглянув на ее личико, обрамленное рюшами чепца, Шут догадался, что по своей воле она никогда бы не зашла к нему в комнату. Вероятно, таково было поручение старшей горничной, которая, несмотря на все его протесты, периодически пыталась бороться с беспорядком в этих покоях.

«Вот она, твоя репутация», — подумал Шут, когда служаночка боком скользнула в дальний от кровати угол и суетливо стала сгребать в корзинку все то, что, по ее мнению, подлежа-

ло выбросу. Бутылки из-под вина, огрызки, корки... По мере приближения к источнику беспорядка движения девушки становились все более неловкими и все чаще она роняла сопливые тряпицы мимо корзинки. Девчонка в первый раз оказалась в этой странной комнате, где полумрак таил разные непонятные предметы и было совсем мало подобающей господам мебели — лишь высокая кровать под тяжелым багровым балдахином, громоздкий платяной шкаф, сундук да пошарпанный стол с парой кресел из разных наборов. Ни вам парчовых драпировок и дорогих ковров, ни изысканных украшений вроде ваз и шкатулок. Ни единого предмета, указывающего на то, что спальня принадлежит человеку, отмеченному милостью короля. Шуту, с малых лет привыкшему жить в аскетических условиях, здесь было вполне комфортно. А вот служанке, судя по всему, нет: она господские покои привыкла видеть совсем иными — без разбросанных по полу деревянных колец, бутафорских игрушек и прочего реквизита для выступлений. И, уж конечно, без высокой перекладки, свисающей с потолка на веревках в самом центре комнаты. Зато напротив кровати имелось большое зеркало, какое не у всякой знатной дамы сыщется, а подле него — богатейший набор красок для лица. Это самое зеркало, видимое из любого угла комнаты и совершенно необходимое Шуту для работы, теперь весьма правдиво являло малоприятную действительность — его собственную физиономию. Неудивительно, что служанка испугалась странного господина с растрепанными волосами и лихорадочным блеском в глазах.

Да еще эта его дурная слава безжалостного похитителя сердец...

Шуту и в самом деле было худо. Совсем худо. А от взгляда на скованную нелепыми страхами служанку ему становилось еще и грустно. Девчонка вполне могла бы понять, что после нескольких дней борьбы с простудой у господина уже не оста-

лось сил на такие фокусы, как соблазнение невинных девиц. Он даже пошутить сейчас толком не сумел бы — ужасно болело горло. Но горничная об этом не догадывалась: исходящая от нее тревога была почти осязаема.

Дурочка. Наслушалась о нем страшилок от других служанок.

Шут понял, что никакого общения не получится, и уже хотел сказать девчонке, чтоб позвала лекаря, но голова вдруг пошла кругом, и он устало откинулся обратно на подушки, закрыв глаза. Едва слышная мышинная возня горничной осталась где-то за гранью полудремы: Шут вспомнил вдруг, как годы назад так же валялся полудохлый... Только не в постели, а в грязном хлеву — невымытый, оборванный, голодный. Тихо умирал от лихорадки. Кто его вытащил тогда? Почему оставил вонючего бродяжку под дворцовыми воротами?

Едва ли ему суждено узнать это хоть когда-нибудь.

Вскоре Шуту опять стало жарко. Он выпростал из-под одеяла руку и, свесив ее с высокой кровати, попытался нащупать бутылку с вином. Пальцы слепо шарили в пустоте. Шорох стих.

— Да где же ты?! — Шут отбросил одеяло и перегнулся через край постели. Бутылки не было. Зато была покрасневшая от смущения девица, которая столбом застыла посреди комнаты при виде чужой наготы. Он уж и забыл про нее.

Не сумев найти бутылку, Шут выругался тихо — громко уже не мог: горло огнем горело, а темные пятна окончательно заволокли весь мир. Даже сил залезть обратно не осталось.

«Да и демоны с ним, с вином, кроватью и этой скромницей... — подумал он, сползая на пол. Старого вытертого ковра отчего-то не оказалось на месте, видать, служанка уже свернула его, чтобы снести во двор для выколачивания. Но прикосновение каменных плит показалось жаркому телу даже приятным. — Зато здесь прохладнее...»

Шут улыбнулся и провалился в забытье.

— Экий же ты, братец, дурень...

На сей раз служанка была пожилая, сильная, что лошадь, и начисто лишённая предрассудков. Матушка Нелла почти без натуги подняла и так-то не очень большого, а тут и вовсе отощавшего Шута с кресла, где тот, очнувшись, себя обнаружил, и в два шага перенесла на чистую перестеленную кровать. Он окончательно пришел в сознание, когда ощутил под головой теплую ладонь, а у губ — деревянную чашу с лечебным отваром. Не первую, судя по горьковатому привкусу трав, что стоял во рту. Шут со стоном сел и попытался самостоятельно ухватить пиалу. Служанка пресекла это:

— Сиди уж... — Она крепко держала чашу, пока та не опустела.

Шут хорошо знал эту женщину: она состояла при дворе давно и, дослужившись до помощницы старшей горничной, могла уже не возиться с тряпками.

Вновь откинувшись на подушки, Шут на миг прикрыл глаза — голова все еще была тяжелой. Тем не менее он сразу заметил, что комната убрана и проветрена, ночная ваза вымыта и больше не смердит, а его самого укутали в теплый плед.

«Теперь весь двор будет думать, что господин Патрик не только с виду хилый, но и на самом деле таков», — с огорчением подумал Шут. Он с тоской представил себе ехидный смех родовитых девиц Солнечного Чертога и сразу (сказалась многолетняя привычка) начал придумывать достойные ответы.

— Давай-ка поешь теперь, — спустя какое-то время матушка Нелла вновь возникла перед ним, прервав этот безрадостный внутренний диалог. От пышнотелой женщины вкусно пахло чем-то очень домашним. Она поставила на столик у изголовья поднос с простой доброй едой и села на край постели, аккуратно расправив на коленях белый передник. — Иль тебя и кормить теперь с ложечки надо?

— Не надо...

Пряча глаза от неловкости, Шут осторожно сел. Жар спал, и, хотя в горле все еще скребло, боль тоже почти ушла. Матушка смотрела на него с доброй усмешкой и, казалось, действительно была готова выхаживать, как младенца. В ее простом круглом лице без труда читались все пережитые горести и печали, однако окруженные сетью морщин глаза остались ясными, точно годы их вовсе не коснулись.

«Наверное, она и со своими внуками так же возится», — подумал Шут с благодарностью. Сам он давно не знал домашней ласки и всегда с каким-то особенным волнением принимал чужую заботу.

— Спасибо... — вздохнул еле слышно и спрятался за привычной ширмой улыбки: — Вы спасли мне жизнь, прекрасная дама!

— Ишь ты, уже паясничает! — служанка хриловато рассмеялась, и смех этот лучше слов отразил радость от того, что непутевый королевский шут больше не валяется обморочный на голом полу. — А не больно много у тебя друзей, я погляжу, — обронила вдруг она.

Да уж... за четыре дня никто не хватился.

Шут, конечно, притворился, что его это мало волнует, но на самом деле, в часы болезни не раз задавался вопросом, отчего все сложилось именно так. Отчего ни шутки, ни улыбки не принесли ему то, в чем нуждаются и король, и распоследняя уличная нищенка... Так что в ответ на матушкину реплику Шут лишь вздохнул и пожал плечами, удерживая на лице слегка подувядшую улыбку.

— Кто захочет дружить с дураком?

Служанка подала ему ломоть хлеба и хмыкнула:

— Нет, парень, шибко у тебя глаза умны для дурачка. А глупость вся — оттого только, что подсказать некому, как жить надо.